

Егор Гайдар

Украина и Россия: что дальше?

Похоже, Виктор Ющенко имеет все шансы победить на назначенных на 26 декабря выборах на Украине. Если это так, украинским гражданам можно поздравить. Он умный, порядочный человек, высококвалифицированный экономист, остановивший гиперинфляцию, немало сделавший для создания предпосылок устойчивого экономического роста. Любой стране мира можно только пожелать иметь такого президента. Но это одновременно и сокрушительное, больше того, унижительное поражение всех тех, кто вырабатывал российскую политику по отношению к Украине на протяжении последних месяцев. Ведь ее сутью было любой ценой не дать Виктору Ющенко выиграть. Причем «любой», в данном случае, не фигура речи. Теперь самое время понять, почему это поражение состоялось, попытаться извлечь уроки.

Почему Украина – не Россия

Первое и очевидное – была неправильно выбрана цель. Я знаю Виктора Ющенко с начала 90-х годов, со времени, когда он работал председателем Национального банка Украины, а я первым вице-премьером правительства РФ. Он никогда не был антироссийски настроен. Это прагматик, хорошо понимающий, что для Украины хорошие отношения с Россией – благо. К тому же (хотя я не считаю, что западноукраинское происхождение кого-нибудь дискредитирует), он выходец из Сумской области Восточной Украины, исторически и культурно тесно связанной с Россией. Если все это перевешивает то, что его жена американка украинского происхождения и, исходя из этого факта, вырабатывается российская политика по отношению к Украине, пеняť остается только на себя.

Второе – даже если поставленная цель была бы осмысленной (хотя у меня не хватает воображения поверить в это), средства, избранные для ее достижения были поразительно неадекватными. Без экивоков и политесов показывать, что Москва сама решит, кто будет управлять Украиной, – провокация к каштановой революции.

После произошедшего не дурно бы ответить на традиционный российский вопрос: «Кто виноват?» Иначе легко можно продолжить триумфальное шествие от одного поражения к другому. Конечно руководство страны отвечает за все, что делается российскими властями. Но это не повод считать, что те кто предлагает подобные решения и столь «успешно» их реализуют, не отвечают ни за что. Но при всей значимости первого традиционного российского вопроса, важней определиться с другой, столь же традиционной для нашей страны проблемой: «Что делать?»

Если предельно упростить ситуацию, надо признать, что после завершения выборов развитие событий будет зависеть от трех ключевых участников процесса: это Украина и ее новое руководство, Запад и в первую очередь Европейский Союз, как один из важнейших соседей Украины, и Россия, также один из крупнейших ее соседей.

Проще всего с Украиной. Да, мы сделали все возможное и, даже, невозможное, чтобы Виктор Ющенко стал врагом России, или, по меньшей мере, ее нынешнего руководства. Но хорошо зная его, убежден: интересы Украины для него выше собственных чувств и справедливых личных обид. Думаю, он сделает все возможное, чтобы отвратительный эпизод в истории отношений России и Украины остался в прошлом, наши страны восстановили стабильные, дружественные, корректные отношения.

Запад. Он плюралистичен. Хорошо знаю, что среди западных политиков можно найти тех, кто патологически ненавидит Россию и сейчас с удовольствием потирает руки, наблюдая за нашими, мягко говоря, неудачами, мечтает сделать Украину одним из оплотов антироссийской политики. Но все это на обочине реального процесса принятия политических решений. Подавляющее большинство западных лидеров прекрасно понимают, что и Украина, и Россия будут и останутся важнейшими соседями Европейского Союза, значимыми партнерами в борьбе с международным терроризмом. Дестабилизация наших взаимоотношений никому не выгодна.

И наконец, самое сложное – Россия. Конечно можно, потерпев сокрушительное поражение, решить, что все это результат происков врагов России, антироссийского заговора США и Западной Европы, мстительно думать о том, как мы сейчас накажем и Украину и Запад. Надо только понимать, что сильнее всех мы накажем себя. Можно сделать иное. Извлечь уроки из допущенных ошибок. Научиться уважительно относиться к соседям, добиваться своих политических целей принятыми в цивилизованном мире средствами. И в первую очередь, сделать все возможное для восстановления дружественных, корректных отношений с Украиной и ее новыми властями.

Бывает, что соседи ссорятся. Потом ведь все равно приходится жить рядом. От того, в какой мере российские власти это поймут, зависит судьба всего постсоветского пространства, стабильность в Европе, отношения России с Западом, долгосрочные перспективы развития и Украины и России.

Почему Россия – не Украина

События последних месяцев в Украине еще раз показали, что если у народа есть готовность защищать свои права и свободу, желание жить в условиях демократического государства, то манипуляции с подсчетом голосов, контроль над СМИ, использование силовых структур в развитом, урбанизированном, образованном обществе помешать этому не могут. Прогнозы дальнейшего развития событий в такой ситуации – дело неблагодарное, но похоже, что Украина имеет шанс стать одной из немногих стабильных, реально функционирующих демократий на территории СНГ.

Все это ярко контрастирует с развитием событий в России в последние годы. Между декабрем 1993 года (принятие конституции) и примерно 2002–2003 годами о российском политическом устройстве можно было говорить как о нестабильной, молодой, крайне несовершенной, но функционирующей демократии с существующими сдержками и противовесами в органах власти. Сейчас о системе, сложившейся в России, так сказать трудно.

Некоторые называют сложившийся режим авторитаризмом, некоторые мягкой диктатурой. Я предпочитаю термин «закрытая демократия». Это система, при которой есть легальная оппозиция, есть малотиражные независимые СМИ, нет массовых репрессий против политических оппонентов, существует свобода въезда и выезда из страны. Проходят выборы. Только их результаты, почему-то определены заранее. Подобная система существовала в Мексике на протяжении десятилетий после революции. Похожие системы (хотя и без сильной президентской власти) были характерны для Италии между Второй мировой войной и концом холодной войны, Японии того же периода.

Россия и Украина – страны с общим историческим прошлым, близкими традициями у преобладающих в составе населения этносов, на протяжении столетий жившие в составе одного государства. Резонный вопрос – в чем причина столь радикального расхождения траекторий политического развития этих государств? Дефинитивный ответ на него смогут дать историки, которые будут анализировать политические процессы, происходившие на постсоветском пространстве несколько

десятилетий спустя, когда картина приобретет завершенность, будет ясно, каким странам удалось, а каким не удалось сформировать устойчивые демократии. Могу сформулировать лишь несколько гипотез, позволяющие, как мне представляется объяснить очевидное различие политической динамики.

Первая. Россия в 1990–1993 годах пережила полномасштабную революцию с характерным для развитого индустриального общества ограниченным применением насилия, но тем ни менее революцию. При всей разнице исторических эпох, это было нечто подобное "великому бунту" (great rebellion) середины XVII века в Англии. После такого "великого бунта" общество, уставшее от беспорядков, слабой власти, несоблюдаемых законов, бюджетных неплатежей страстно хочет порядка и нередко готово заплатить за этот порядок свободой.

Для Украины события 1990–1993 годов, происходившие в России, были скорее тем, что происходит по соседству. То, что случилось на протяжении последних месяцев – первая революция в Украине. Надеюсь, что учитывая различия стартовых ситуаций, она будет больше похожа не на "большой бунт", а на "знаменитую революцию" (the famous revolution) в Англии 1688–1689 годов.

Вторая. Украина ближе к Европе. В работах последних лет, посвященных экономическому развитию постсоциалистических стран, различиям в масштабах трансформационной рецессии, ее продолжительности, нередко используется условный показатель, который называется "среднее расстояние до Дюссельдорфа", аппроксимирующий географическую близость к Европе. Похоже в анализе политических процессов так же имеет смысл его использовать.

Перспектива, пусть отдаленная, членства в Европейском Союзе была важнейшим фактором, позволяющим стабилизировать демократические режимы в странах Восточной Европы и Балтии. Украине никто никогда формально не обещал возможности членства в Европейском Союзе. Тем ни менее, значительная часть украинского общества понимает: если дверь в Европу, хотя бы потенциально, в долгосрочной перспективе, открыта для Турции, она не может быть навсегда заколочена для Украины. И это важнейший фактор, влияющий на украинский политический процесс.

Россия слишком велика для объединенной Европы. Вопрос о ее членстве в Европейском Союзе не обсуждался даже на самых абстрактных "мозговых штурмах", посвященных долгосрочной стратегии развития этой организации. Россия не имела возможности импортировать из Европы стабильность демократических институтов. В жизни есть вещи, которые приходится делать самому. Борьбу за создание функционирующей демократии нам придется вести без серьезной внешней поддержки.

И, наконец, третья. Да, мы столетия жили в одном государстве, и культурно и языково близки. Но роль Украины и России и в составе царской, и, в последствии советской империй была разной. Украина – на протяжении столетий была подчиненной провинцией, управляемой из центра, Россия – метрополией. Миллионы украинцев мечтали увидеть свою страну независимой. Многие из них за это сражались. Для Украины крах СССР был обретением национальной независимости. На референдуме осенью 1991 года подавляющее большинство украинских граждан высказалось за независимость.

Для России крах СССР был одновременно крушением империи. СССР – отнюдь, не первая крупная империя, распавшаяся во второй половине XX века. Скорее наоборот, последняя. Но и обществу и политической элите метрополии приспособиться к тому, что империи больше нет, не просто. Для этого нужны годы. Во время адаптации к новым реалиям перед политическими авантюристами открываются возможности легкой наживы: апелляция к былому имперскому величию, рассуждения о том, что во всем виноваты инородцы, что ведущие страны мира в заговоре против нас: "Мы не были побеждены на поле брани, нам нанесли удар в спину". Все это хорошо известно по опыту Веймарской Германии.

Как показывает опыт, в долгосрочной перспективе это смертельно опасно для тех, кто пользуется подобными политическими технологиями, опасно для стран, в которых такие приемы входят в моду. Это опасно для современной России. Если вспомнить, что Россия по-прежнему одна из двух крупнейших ядерных держав, не трудно понять – это опасно для мира. Что бы справиться с этой угрозой, нужна высокая ответственность национальной политической элиты, понимание угроз, связанных с имперской риторикой и заигрыванием с радикальным национализмом.

Важно время. Как показывает опыт, оно позволяет излечиться от комплексов, связанных с утратой империи. Объяснить сегодня нормальному английскому студенту, почему собственно Великобритания на протяжении двух веков управляла Индией, трудно, практически невозможно.

Борьба с имперскими амбициями и радикальным национализмом в России – задача непростая. Успех украинской революции, демонстрирующий способность братского славянского народа выбрать и защитить политические ориентиры и ценности, в которых нет имперскости и ксенофобии, в этой борьбе – серьезное подспорье.

Окно возможностей.

Вероятная победа Виктора Ющенко на декабрьских выборах в Украине позволяет надеяться на стабилизацию демократии в одной из крупнейших стран постсоциалистического мира. Вопрос о том, станет ли одна из европейских стран устойчивой демократией, сам по себе важен. Но ответ на него имеет последствия, далеко выходящие за границы Украины.

До сих пор линия водораздела между молодыми, не всегда совершенными демократиями и теми странами, в которых демократические институты либо не существуют, либо крайне неустойчивы, проходила примерно по границам СССР 1939 года. Если в Украине демократия устоит, это окажет серьезное воздействие на политический процесс во всех государствах СНГ, включая Россию, на десятилетия вперед. Попросту говоря, объяснить молодому образованному русскому, что украинцы имеют право сами определять свою судьбу, а за нас это будут делать мудрые начальники – не просто. И это в любом случае нельзя делать долго.

Вряд ли нужно доказывать: то, будут ли ближайшие соседи Европейского Союза устойчивыми демократиями – стратегически важно для будущего Европы. Это значит, что выработка активной и конструктивной политики по отношению к Украине должно быть важнейшим приоритетом Запада.

Украина сегодня не нуждается в прямой финансовой помощи: списании долгов, масштабных кредитах международных финансовых организаций. Ее финансовое положение устойчиво. Речь о другом: внимании, корректности, усилиях по снятию торговых барьеров, улучшению условий доступа к рынкам, содействию инвестициям в украинскую экономику. К сожалению, как показывает опыт, это нельзя гарантировать. Достаточно вспомнить сколько раз один из величайших политиков второй половины XX века Нельсон Мандела был вынужден ездить в Брюссель, что бы добиться смягчения ограничений на импорт южноафриканских вин в страны Евросоюза.

Самый большой риск во всем, что связано с выработкой политики Запада и, в первую очередь, Европейского Союза по отношению к Украине, состоит в том, что легко можно проспать исторический шанс, использование или игнорирование которого во многом определяет то, в каком мире мы будем жить в XXI веке.

Такой риск реален. Хорошо знаю это по собственному опыту. В 1991–1994 годах я работал в российском правительстве, некоторое время возглавлял его. Это было сразу после того, как рухнул коммунистический тоталитарный режим, развалился Советский Союз, возникли 15 новых независимых государств. В большинстве из них начались

глубокие рыночные реформы, в некоторых были предприняты попытки создания демократических институтов. Речь шла о процессе, который происходил на территории, где размещалось примерно 30 тысяч ядерных боеголовок (11,5 тысяч стратегические и оперативно-тактические, остальные тактические). О том, что будет на территории страны на протяжении которой Запад потратил триллионы долларов. Внятной политики, хотя бы отдаленно напоминающей план Маршала после Второй мировой войны, Запад тогда выработать не сумел.

Нельзя сказать, что у западных лидеров не было симпатии к происходящему в России. Но общая тональность обсуждения российских проблем, хотя это никогда не говорилось прямо, в переводе на простой язык звучала примерно так: "Мы не просили вас устраивать революцию, не просили свергать тоталитарный режим, не просили распускать Советский Союз. Вы сделали это сами по своему выбору. Вот теперь и разбирайтесь с последствиями, а мы будем с симпатией следить за вашими усилиями".

Глубоко уважаю и высоко ценю коллег из МВФ, организации на которую страны «большой семерки» в начале 90-х годов возложили ответственность за содействие российским реформам, знаю, что многие из них делали все возможное, чтобы помочь. Но МВФ просто не та структура, которая способна организовать управление кризисом, связанным с банкротством экономики ядерной сверхдержавы и ее политическим крахом. Она создавалась не для этого.

В Ираке все по-другому. Никому поручать решение иракских проблем в МВФ в голову не приходит. Да, здесь серьезные вопросы с обеспечением безопасности. Но есть и пристальное внимание Запада, масштабные инициативы по списанию внешнего долга, координации международной помощи. Понятно почему. Не иракцы заварили эту кашу. Теперь Западу в целом и США в первую очередь приходится ее расхлебывать.

Украина, в этой связи, куда ближе к российскому примеру начала 90-х годов, чем к иракскому. Только клинические идиоты могут верить, что произошедшее в последние месяцы на Украине – результат заказного заговора западных спецслужб. Все проще. Это выбор украинского народа. Именно отсюда опасность того, что и политика Запада по отношению к Украине будет похожа на ту, которая проводилась по отношению к России в начале 90-х годов: "Вы сами сделали это. Сами и решайте теперь ваши проблемы".

На протяжении последних месяцев российские власти поставили рекорд по числу грубых ошибок, которые можно сделать по отношению к своему соседу. Надеюсь, что Запад не вступит в соревнование с нами на этом поле.

Контраргументом против активной позиции Запада по содействию Украине после каштановой революции могут быть ссылки на то, что такая политика может ухудшить

отношение с Россией, стратегически важные в условиях реально идущей войны с мировым терроризмом. Но после всего произошедшего, Россия объективно, вне зависимости от симпатий и антипатий отдельных политиков, заинтересована в нормализации отношений с Украиной. Важно лишь сделать Россию не оппонентом, а партнером, задействовать в этой связи существующие каналы коммуникации, в том числе механизмы взаимодействия в рамках «большой восьмерки». При наличии политического такта эта задача разрешима.